

С.Г. Шафиков

Великое молчание

(газета «Истоки», № 7 (197), апрель 1999)

Каждый раз, когда я слышу фразу “Ты мой единственный”, душа моя безмолвствует, потому что здесь и ложь, и тайна. Ложь, потому что наличие единственного можно утверждать только на основе сравнения, а точкой сравнения здесь должен быть весь остальной мир людей, и, с другой стороны, душа единственного в мире, будучи несравненной, непостижима и потому бесполезна. “Тайна, которая велика есть”, потому что эта фраза означает любовь, да ведь никто не знает, что это такое, и легче найти место смыкания неба с землей, чем узнать, как соединяется душа с телом у человека, который произносит эту фразу.

Весеннее наводнение смыло нужник, подняв из его недр всё, что так хорошо лежало, и теперь мне приходится, захлебываясь и погибая, спасать честь, то есть поднимать нужник. Ведь чистой жизнью хочется почему-то жить, даже когда на душе мерзко, как в оттаявшей выгребной яме. Вчера ночью, вынося в расслабленном настроении помойное ведро, споткнулся о пьяного, лежащего в позе звезды, упал и просыпал содержимое частично на пьяного, частично же на себя. Вернулся хмурый.

Весной же, во время заседания кафедры, я узнал, что Дора, подруга Альфреда, совершенно не приседает по надобности, в отличие от других женщин. При этом она отправляет свою нужду столь искусно, что могла бы, выступая в состязании даже среди мужчин, совершенно переписать историю, как такого рода состязаний, так и самих мужчин. Альфред, проводивший полевые испытания, в восторге от этого феномена, достойного книги рекордов Гиннеса. Я согласился с Альфредом и попросил о знакомстве, находя в этой способности управлять сладчайшим из отправлений гордый дух и преданность любимому делу.

Вслед за Сионскими мудрецами Дора считает, что любовью надо заниматься для здоровья, а не абы зачем. Я же напротив, полагаю, что следует здоровьем заниматься для любви, хотя быть настоящим все-таки трудно, даже если здоровье позволяет, потому что, как замечает Дж. Конрад, большей частью приходится иметь дело с женщинами. Однако именно множество женщин, ан масс, способно вызвать полное душевное удовлетворение, и чем величественнее душа, тем большее количество женщин требуется, чтобы ее оценить и дать это самое

удовлетворение. Если же у тебя единственная женщина, то, конечно, любишь ее всем телом, но молчит великая душа.

Не успел я спутаться с Дорой, как она страстно поведала мне о какой-то вещи, кражу которой ей инкриминировало общество. Может быть, это была чья-то шапка, пропавшая в студенческом гардеробе, или чья-то душа, или ещё кое-что ценное; я точно не помню, потому что в эту душную июньскую ночь я сам был охвачен страстью, и грешить казалось мне более подобающим, чем исповедоваться, и если бы кража даже происходила во время ее исповеди, я бы этого не заметил. Однако стоило мне выразить уверенность, что Дора с ее данными не способна украсть, как она тут же украла, то есть отдалась мне на полуслове, усугубив свою отдачу этой самой сакраментальной фразой с признанием: “Знаешь, ведь это всё-таки я украла, и ты единственный, кто поверил в мою невинность, и потому ты мой единственный, а я твоя верная раба”. Меня изумила эта готовность быть верной другому, хотя бы и единственному, тогда как верность себе самому и так уже достаточно трудна и практически не встречается со времён старухи Изергиль.

С тех пор я больше не слышал от Доры ни этой фразы, ни вообще какой бы то ни было любовной лирики. Дарила же она меня блаженством несоизмеримым с Царствием Небесным, гарантированным для такого нищего духом, как я. Когда благодарил ее за ласки, Дора отвечала: “на здоровье”. Она укрепилась духом, и, может быть, именно широкие маховые движения её тела были одновременно результатом и причиной большой работы, которая происходила у неё внутри. Хотя, конечно, изоморфизма между душой и телом быть не может из-за отсутствия конгруэнтности между их параметрами, некоторые из которых к тому же являются немаркированными членами, так как находятся в латентном состоянии. Душа и латентные члены – это чрезвычайно остро.

На днях ездил на дачу. Плодоносят уже яблони и груши, над которыми гордо возвышается восстановленный нужник. Все выглядит прекрасно, если не заглядывать внутрь, куда какой-то немаркированный член уже заглянул раньше, хотя нужник к тому времени был уже восстановлен. Какое же это вечное расхождение между потребностью и нуждой. Если есть потребность делать это непременно на полу, то и нужды нет в нужнике, а с другой стороны, коли, есть нужник, то, казалось бы, и потребности такой не должно возникать, а вот возникает же.

Дора становится все более округлой. И мне бы радоваться, видя, как наливаются ее большое тело, в которое я столько вложил, памятуя, что

выгоднее всего вкладывать в человека. Радоваться бы и отрешиться от суеты, как Будда, созерцающий свой пуп, а я что-то все медлю отрешаться. Тело конечно, большое, нужное. И как отдельно взятое тело на небосклоне страстей человеческих оно, конечно, притягивает. Однако, как гласит закон Ньютона, сила, действующая на тело, равна силе противодействия, и поэтому чем больше меня притягивает данное тело, тем больше мне хочется оттолкнуться, однако я медлю и с этим. Ведь, оттолкнувшись от одного тела, неизбежно попадаешь в поле притяжения другого, может быть, ещё более сильного.

Начались студенческие каникулы, и я ушел в отпуск. Дора занялась бизнесом и уехала налаживать деловые контакты, а я остался, и летом со мной произошел престранный случай. Однажды ночью я проснулся от страха, навеянного сном. Рассчитывать на сон было уже поздно, и я отправился в ванную, чтобы помыться. Там уже мылась какая-то женщина, сидя в мыльной воде и напевая "Клементину". «Привет, - сказала она грустным голосом, - как тебе нравится твой выигрыш?» И она встала под душ перед моим изумленным взором и, сполоснувшись, вытерлась моим махровым полотенцем. И если вначале и некоторое время спустя я ещё сомневался, моя ли это ванная, хотя с какой стати чужой ванне находится в моём доме, сомневался, действительно ли это незнакомая дама или, наоборот, слишком знакомая подруга, то уж своё полотенце-то я, конечно, узнал, и при словах о выигрыше кое-какой свет стал проникать в мой помрачённый ум. "Это моя ванная, - сказал я, - и это моё полотенце. Кто ты такая, чтобы вытираться моим полотенцем и чего ты домогаешься?" "Меня зовут Лилит", - объяснила купальщица и продолжала своё пение. Внешность её была неуловимой, а потому чарующей: в чертах её каждое мгновение что-то новое появлялось и исчезало, как в полнолуние наплывают облака на лик ночного светила, чтобы тут же исчезнуть под уносящим действием ветра, и привыкнуть к её лицу было также трудно, как землетрясению. В глубоком изумлении я закрыл дверь ванной и вышел на свежий воздух, чтобы обдумать это явление. Скорее всего, это был плод собственного помрачённого ума. Слишком невероятным было предположить происки зарвавшегося галактического разума, ковыряющегося в сознании одинокого мужчины, чья любимая уехала налаживать контакты. Впрочем, может быть, это сексуально озабоченная гостья из будущего, проникшая ко мне с целью хищения моего здорового генотипа для последующей нуль-транспортной перевозки похищенного эмбриона в своё вырождающееся время? В таком случае меня ждёт пиршество плоти. Весь в предвкушении сладостного одержания я наткнулся на Бориса, моего школьного товарища, который стоял под деревом и мочился. Продолжая справлять свою нужду, Борис поздоровался со мною за руку и спросил, как я живу. Я сказал, что хорошо и продолжал свой путь, потрясая мокрой рукой.

Когда я вернулся домой, там не было никого, и даже полотенце было лишь чуть влажное. Может быть, мне всё это приснилось, подумал я, и вдруг вспомнил сон, из-за которого я проснулся ночью. Будто я попал в какой-то игорный дом и то ли что-то выиграл, то ли, наоборот, проиграл, впрочем, кажется, выиграл, я помню, что проснулся с тяжёлым чувством, с каким обычно выигрываешь то, что и врагу не пожелаешь, а именно свой труп. Крупье мне так и сказал: “Ступайте, Вас ждёт земля”.

Когда я вновь встретился с Дорой после отпуска, я не мог не заметить в ней экзистенциальной перемены. “У каждого человека своё звёздное небо и свой кантовский императив, - сказала мне Дора, - и свой императив я вижу в служении прекрасному, а прекрасное не может быть единственным”. И по её логике выходило так, что если прекрасные тела украшают жизнь, то не грешить с ними было бы просто грешно, и не на заклятие похотливому монополисту Эросу, объясняла Дора, а на алтарь прекрасного, который обслуживают демократические Оры и Хариты, отдаёт она своё тело отныне. И отныне классическая фраза “прекрасное есть жизнь” полностью совпадает с её мнением. “А как же я?”, - спросил я. “Ты мерило всего прекрасного, - сказала Дора, - и если не количественно, то качественно ты всё ещё мой единственный”.

Её тело продолжало радовать и веселить меня, и я старался отогнать мысль, что оно веселит не только меня, и вместо этого думал о том, что её новая философия – это та самая война, которая есть продолжение старой политики новыми средствами, и поэтому мне надо укрепиться духом и ждать. Однако вскоре мне пришлось изменить своё мнение.

Дора набросилась на бизнес с тем же рвением, с которым верный когда-то раб, вышедший из пол повиновения, набрасывается на своего хозяина, чтобы его убить, и я уже чувствовал, что сон в руку. В налаживании контактов Дора не обошла вниманием и меня, хотя мне было и не ясно, видит ли Дора во мне прекрасное начало или рассматривает как прибыльное дело, памятуя, что выгоднее всего вкладывать в человека. Изменой же Дора считала только те случаи, когда ей изменял вкус или когда, приходилось отдаваться как бы протокольно, после заключения делового контракта. И молчание в моей душе росло, как та самая тишина, семицветной дугой поднявшаяся над пропастью, и хотелось не красть и не быть украденным, и взять кого-то за руку, а не за ногу, только я всё чего-то медлил.

Спустя месяц после странного происшествия в ванной я возвращался с вечерних занятий и встретил на улице девушку, похожую на Лилит и пошёл за ней следом, робость в сердце затая. Замедлив движение, она

обернулась, и я узнал её, хотя от прежней Лилит ничего не осталось. Она сказала грустным голосом: “Почему ты преследуешь меня, чего ты домогаешься?”. И вместо того, чтобы сказать: “Я домогаюсь тебя”, я ответил: “Я люблю тебя, Лилит, и мне плохо, и мне всё равно, кто бы ты ни была”.

“Ты даже не знаешь, как меня назвать, или ты меня с кем-то путаешь?” - сказала Лилит и произнесла следующие насмешливые стихи: “Кто был в моём лесу хотя бы один день, // Тот сень дерев не назовёт “деревьев тень”, // Уе скажет тот, хотя бы и сосна, // Что стройный кипарис – обычная сосна”. Затем она обняла меня и поцеловала, и сказала с прежней печалью: “Грусть твоя, может быть, скоро пройдёт, а если нет, то скажи женщине, которую ты любишь, стихи, что сейчас услышишь, и из её ответа ты узнаешь, что тебе делать”. И она прочитала мне следующие стихи: “Я спросил сегодня у визиря, // Не боясь насмешек и молвы, // Где купить мне сладкого имбиря, // Где купить мне шербета и халвы?” И пока я растерянно бормотал про себя, стараясь запомнить это четверостишье, Лилит исчезла в толпе окружающих нас женщин, а я, окрепнув духом, отправился домой.

На перекрёстке меня окликнул мой школьный товарищ Борис, который мочился, пристроившись к дверям министерства просвещения. Спросив закурить и не удовлетворившись ответом, Борис потребовал «пять», и я поздоровался с ним за руку и ещё немного поговорил, а затем продолжил свой путь, потрясая рукой.

На следующий день я отправился к Доре, и в перерыве между ней и засахаренным миндалём в уксусе, и другими пожирающими ум яствами, прочитал ей стихи Лилит. Дора заклинала меня сказать, от кого я узнал эти стихи, я же отвечал, что должен сначала услышать ответ, и тогда Дора произнесла: “В этом доме ты вкусишь миндаля // В уксусе с гранатом и нугой, // И пресытишься ты им едва ли, // Если вкус его похвалит и другой”. “Что это значит?”, - спросил я, и Дора сказала: “Я должна была дать ответ, теперь думай сам”. Расстроенный, я отправился домой и лёг спать, только уснуть всё равно не мог и положил снова пойти к Доре на следующий день, чтобы попытаться смысла её стихов.

На следующий день вечером я пришёл в вертеп, на дверях которого было начертано: “Дом сей домом игорным наречётся”. Общество было занято игрой в юмористический стриптиз. Ставкой была сама Дора, за монопольное обладание которой состязались настоящие мужчины, а ненастоящие и дамы поддерживали их. Игра же заключалась в том, чтобы раздеваться под смех Доры, и выигрывал тот, кто раздевался быстрее всех, а для этого надо было шутить смешнее и смешить веселее

других, используя все виды искусства, исторгающие смех. При этом цена смеха варьировалась в зависимости от конкретного предмета одежды, от которого облегчался очередной участник конкурса. Если, например, пиджак или галстук можно было снять всего лишь за тень улыбки Доры, то уже право скинуть нижнее бельё завоёвывалось только продолжительным хохотом, причём, как бы бурно ни реагировала публика, засчитывался хохот только самой хозяйки вертепа. Когда я пришёл, претенденты находились в разной степени раздетости, и наиболее счастливые, сидевшие в трусах, начинали уже мёрзнуть, так как стоило наступить их очереди рассказывать смешное, Дора загоняла свой смех в желчный пузырь, чтобы не проиграть слишком быстро. Во время тайм-аута Дора предложила мне участвовать в конкурсе, обещая снисхождение к моим шуткам. Я сказал, что не вижу в этом ни прекрасного, ни смешного, и что Доре в очередной раз изменяет вкус. “Что же, - сказала Дора, - мне изменяет вкус, тебе изменяет чувство юмора, а вот ты сам никому и ничему не сможешь изменить, потому что ты неверный. Мой стих пройдёт, и я вернусь к себе, а ты собой никогда не был и стихов значения не знаешь. Ведь ты пришёл узнать смысл моего ответа. Узнай же!” И Дора произнесла следующие стихи: “Сладость ты вкусишь, коль будешь верен // Ты всегда одной простой еде. // Вкус ты сохранишь, и будь уверен, // Он не подведёт тебя нигде. // Тот, кто однолюб, тот сладкий – // Для любви, визири говорят. // На любовь к нему все девы падки, // Их глаза как яхонты горят!” И я понял, что мне нужно делать. Мне нужно передать этот ответ Лилит, и уж тогда мне всё окончательно будет ясно.

Я хожу по улицам и разглядываю лица женщин, хотя и знаю, что узнать её нельзя и нельзя встретить, пока не придёт время, и надо терпеливо ждать и, ожидая, стараться даже не думать о ней, и тогда всё сбудется. И я не трогаю её своими мыслями, только трогаю рукой полотенце, которым вытиралась Лилит, и я знаю, что если и найду его влажным, значит, я ещё не проиграл.

© С.Г. Шафиков, 1999